

Вступительное слово

«Мягкая сила» России: теория и реальность

За последнее время мы имели возможность наблюдать в России две волны общественного интереса к проблематике так называемой «мягкой силы». В 2012–2013 гг. это было связано с прямым обращением к этой теме В.В. Путина — сначала в его предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» в газете «Московские новости» 27 февраля 2012 г., а затем и в целом ряде президентских указов и выступлений, постановлений палат Федерального собрания и материалов МИД России. В новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в феврале 2013 г., понятие «мягкая сила» получило свое юридическое оформление как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии».

Вторую волну интереса к этой тематике породил украинский кризис и все сопутствующие ему обстоятельства. Отличие нашей работы на Украине от действий конкурентов и оппонентов во многом состояло в том, что мы, рассчитывая на факторы культурной, языковой и исторической близости, экономических связей и мощной русской диаспоры, в какой-то мере надеялись, что все это будет действовать как бы само по себе, без особых усилий с нашей стороны, в то время как наши конкуренты последовательно вкладывались в наращивание своего присутствия в стране и «соблазняли» население — не только на Западе, но и на Востоке Украины — европейской идеей как собственной целью для украинского гражданского общества.

Напомню, что автор концепции «мягкой силы» политолог Дж. Най определяет ее как «способность получать желаемое при помощи привлекательности, а не силы или денег». «Мягкая сила» как средство влияния одних государств на другие существовала практически всегда. Но ее значение существенно выросло именно в XX в., отмеченном высокой идеологизацией международных отношений. Мы можем сколько угодно спорить о правильности или неправильности тех или иных идеологий, но отрицать тот факт, что СССР имел союзников не только *по принуждению*, но и *по убеждению*, нельзя.

Ключевое в «мягкой силе» — это *имидж государства*. Но это такой предмет, который: а) не статичен — он может меняться, причем, порой, даже одномоментно «обваливаться»; б) отнюдь не всегда поддается целевому формированию и управлению, ибо его носителем является не только и не столько власть, но сам народ, страна в целом, включая ее историю, достижения, культуру и т.п.; и вообще в) не во всем зависит от вас самих.

Это важный момент: не всегда получается управлять даже собственным имиджем. При этом «мягкая сила» далеко не всегда связана с размерами, экономической или военной мощью, идеологией государства. Можно, например, быть лидером по средней продолжительности жизни своих граждан, уровню заработной платы и пенсий, рейтингам ведения бизнеса, надежности национальной валюты, экологическим стандартам, уровню и доступности образования, длительности существования государства без войн и катастроф и многим другим параметрам, составляющим авторитет и репутацию страны в глазах других народов. И здесь малые очень часто выигрывают у больших.

Однако для России определение и задействование потенциала ее несилового влияния по-прежнему весьма актуально, в том числе и потому, что ее образ за рубежом, особенно на фоне украинских событий, далеко не идеален. При этом наблюдается разительный контраст между единодушно критическим настроем СМИ и опросами, откликами, рейтингами отношения населения той же Европы, которое зачастую проявляет гораздо больше понимания и даже симпатии к позиции России, ее лидеру, нашей внешней политике. И это важный момент: у нас есть точки опоры в обществах других стран. Но как сделать их основой для улучшения наших отношений, для укрепления российского авторитета за рубежом?

В какой-то мере нам надо самим провести ревизию потенциала собственной «мягкой силы». Например, по данным доклада Всемирного банка «Миграция и денежные переводы: статистический справочник» за 2010 г., Россия по ежегодному притоку трудовых мигрантов (12,5 млн человек) уступает только США (42 млн) и опережает Германию (10,8 млн). Мы считаем это своей проблемой – для внутривнутриполитической обстановки в стране. Однако, согласно выводу Дж. Ная, *«иммиграция не сокращает, а, наоборот, преумножает “жесткую” и “мягкую” силу»*.

Еще факты: русский язык стал вторым по популярности языком Интернета – он используется 5,9% всех существующих сайтов. Русскоязычные социальные сети объединяют сотни миллионов людей в Евразии, входя в пятерку крупнейших мировых. Русских в Евросоюзе уже от 3 до 5 млн, т.е. на уровне некоторых членов ЕС; например, по последним данным, русскоговорящее население к 2050 г. может стать вторым по численности в Финляндии, обойдя шведов. Согласно данным World Tourism Organization, туристы из России заняли 5-е место по объемам расходов на путешествия за рубеж. Сегодня примерно в 160 зарубежных странах почти миллион выпускников наших вузов. За пределами России проживает до 30 млн русских. Даже те из них, кто не разделяет современные политические установки России, отнюдь не всегда хотят лишить своих детей русского языка и культуры. А сколько по всему миру уголков, связанных с прошлым нашей страны, – музеев, храмов, памятников, мемориалов и кладбищ, названий улиц и населенных пунктов? Наконец, просто людей, интересующихся Россией? Все это важно для современной России и ее взаимоотношений с внешним миром, а значит, может и должно стать составной частью ее имиджа, по крайней мере не меньше, чем то, о чем сегодня пишут в заголовках иностранных СМИ, и о чем забудут через месяц или даже через год-два.

На наш взгляд, почти эталонными с точки зрения напоминания внешней аудитории о том, что есть Россия, были церемонии открытия и закрытия Олимпийских Игр в Сочи. Почти 3 млрд зрителей за рубежом показали, что Россия – государство с богатейшей историей, в которой можно увидеть и по-пруски марширующие полки, и великолепные европейские балы, и революционный авангард, и великих писателей, композиторов, которые во всем мире известны практически каждому, но все вместе они сходятся в одной точке – России.

Но «мягкая сила» – это не только имидж страны. Мы, МИД России и Россотрудничество, предложили по-новому взглянуть на такую весьма обширную тему, как оказание помощи другим государствам на двусторонней основе, или, как это принято называть, содействие международному развитию. На наш взгляд, это тоже инструмент внешней политики, а не просто экономическая поддержка слабых. За деньгами и проектами люди должны видеть того, кто им помогает. Этим давно занимаются другие страны, но мы получали гораздо меньше имиджевых дивидендов от нашей помощи другим странам, чем могли бы. В итоге достаточно скромная по объему европейская программа

«Восточного партнерства» подавалась чуть ли не как «манна небесная», а миллиардные дотации России экономикам стран-партнеров просто не замечались и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. И это должно осознаваться людьми не тогда, когда наша помощь уходит, — в этих ситуациях может возникнуть лишь раздражение и обида. Россию как партнера и помощника должны видеть тогда, когда принимаются жизненно важные решения для соответствующих стран.

*К.И. Косачев,
Руководитель Россотрудничества*

Выпуск подготовлен по материалам исследовательского проекта, выполненного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» для Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) в декабре 2013 г. В рамках исследования был осуществлен комплексный анализ деятельности ключевых мировых и региональных субъектов «мягкой силы» в десяти странах мира (Казахстане, Украине, Армении, Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане, Монголии, Киргизии, Вьетнаме, Бразилии) за период с 2009 г. по 2013 г. Выделены лучшие практики реализации политики «мягкой силы» по пяти ключевым направлениям: культура и продвижение языка; сотрудничество в области образования, науки и техники; развитие деловых связей; развитие общественной дипломатии; содействие международному развитию.

The issue is based on the results of the study conducted by National Research University Higher School of Economics for the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) in December 2013. The study involved a comprehensive analysis of the leading global and regional soft powers' actions in 10 countries in 2009–2013. The articles examine the best soft power practices in five areas: the promotion of language and culture; cooperation in the fields of education, science and technology; business relations; public diplomacy; and international development assistance.
